
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

URGENT PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 9—29.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 3. P. 9—29.

Научная статья

УДК 94(47+57).084.9

EDN <https://elibrary.ru/eknabp>

DOI: 10.46725/IW.2025.3.1

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К СТАРОЙ ДИСКУССИИ

Владимир Вячеславович Комиссаров

Верхневолжский государственный агробиотехнологический

университет, Иваново, Россия, cosh-kin@mail.ru,

SPIN-код: 4674-4432, <https://orcid.org/0000-0003-2769-1860>

Аннотация. В статье анализируется дискуссия о неспособности советской интеллигенции заменить партийную бюрократию во время перестройки. Поводом для этой дискуссии стало высказывание экс-президента СССР М. С. Горбачева. В статье использован широкий круг литературы. Также автор привлек разнообразные источники, включающие архивные материалы, данные социологических опросов советских инженеров и школьников. Были изучены материально-бытовые условия жизни интеллигенции в СССР, степень реализации деловых качеств, престиж интеллигентских профессий. Не вызывает сомнений высокая социальная мобильность и значимость высшего профессионального образования в СССР. В финале подводится итог исследования. Показано, что

советская интеллигенция была достаточно активна в политическом плане, хотя и зависела от позиции властей. Сделан вывод, что утверждение о неспособности интеллигенции заменить бюрократию носит спекулятивный характер. Интеллигенция и не должна была заменять бюрократию. Но она не стала социальной базой реформаторов в полной мере. Однако вина за это лежит в большей степени на самих реформаторах, нежели на интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция, перестройка, партийная бюрократия, управленческий аппарат, инженерно-технические работники, гуманитарная интеллигенция

Для цитирования: Комиссаров В. В. Управленческий потенциал советской интеллигенции: возвращение к старой дискуссии // Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 9—29.

Статья подготовлена в рамках технического задания на выполнение научно-исследовательской работы по заказу Ивановского государственного университета № 2025 — 03 «Интеллигенция и интеллектуалы, многообразие современного мира и будущее России».

Original article

THE MANAGERIAL POTENTIAL OF THE SOVIET INTELLIGENTSIA: A RETURN TO AN OLD DISCUSSION

Vladimir V. Komissarov

Verkhnevolzhsk State University of Agronomy and Biotechnology,
Ivanovo, Russia, gmar@inbox.ru, SPIN-код: 6287-2348,
<https://orcid.org/0009-0005-65680152>

Abstract. The article analyzes the discussion about the inability of the Soviet intelligentsia to replace the party bureaucracy during perestroika. The reason for this discussion was the statement of the ex-President of the USSR Mikhail Gorbachev. The article uses a wide range of literature. The author also drew on a variety of sources, including archival materials, data from sociological surveys of Soviet engineers and students. The material and living conditions of the intelligentsia in the USSR, the degree of realization of business qualities, and the prestige of intellectual professions were studied. There is no doubt about the high social mobility and importance of higher professional education in the USSR. The final section summarizes the research. It is shown that the Soviet intelligentsia was quite active in political terms, although it depended on

the position of the authorities. It is concluded that the claim about the inability of the intelligentsia to replace the bureaucracy is speculative. The intelligentsia was not supposed to replace the bureaucracy. But it did not become the full social base of the reformers. However, the blame for this lies more with the reformers themselves than with the intelligentsia.

Keywords: intelligentsia, perestroika, party bureaucracy, administrative staff, engineering and technical workers, humanitarian intelligentsia

For citation: Komissarov, V. V. (2025), 'The managerial potential of the soviet intelligentsia: a return to an old discussion', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the world], no. 3: 9—29 (in Russ.).

The article was prepared within the framework of the technical assignment for the implementation of research work commissioned by Ivanovo State University No. 2025 — 03 “Intelligentsia and intellectuals, the diversity of the modern world and the future of Russia”

Введение

Постановка вопроса и его актуальность. Поводом к данному исследованию послужила дискуссия, возникшая около 4 лет назад. Ее спровоцировала последняя статья ныне покойного экс-президента СССР М. С. Горбачева «Понять перестройку, отстоять новое мышление», в которой автор подводил итог своей политической деятельности. В ней экс-президент, по утверждению некоторых обозревателей, якобы заявил, что рассматривал интеллигенцию как возможную замену партийной бюрократии. Данный тезис вызвал множество комментариев, в ряде случаев ернических и даже откровенно издевательских, выдержанных в духе: «Вот, мол, нашел себе союзников». Для некоторых комментаторов это стало поводом, чтобы усомниться в адекватной оценке М. С. Горбачевым ситуации. Особенно ехидные отзывы звучали на радио и в телепередачах.

Следует отметить, что в реальности высказывание М. С. Горбачева звучало несколько иначе: «Никто не получил от гласности больше, чем наша интеллигенция. Она в полной мере воспользовалась возможностями свободно говорить и писать. Интеллигенция буквально ринулась осваивать новые идеи, развивать их, обосновывать необходимость глубоких перемен. Но правда и то, что в условиях свободы быстро проявилась неготовность многих представителей интеллигенции, особенно “статусных”, к разумным

и постепенным изменениям, непонимание ими того простого факта, что свобода неотделима от ответственности. Интеллигенция не смогла заменить партийную номенклатуру в управленческой сфере, ей не хватило для этого знаний и опыта. Ее представители сосредоточились на критике и разоблачении нашего прошлого, но не смогли выдвинуть конструктивных идей о том, как идти к будущему»¹. Конечно, здесь можно усмотреть косвенное признание в том, что интеллигенция действительно рассматривалась как возможная замена партаппарата. Однако проблема управленческого потенциала не так проста, как кажется, и имеет длительную историю.

Предшествующий анализ проблемы. Вопрос об интеллигенции и власти проходит красной нитью через всё интеллигентоведение, поэтому обзор всей литературы по данному аспекту потребовал бы специального историографического труда. Если вкратце, то появление концепции постиндустриализма привело к оценкам возможной трансформации социальной структуры нового общества, причем важное значение приобрел вопрос о будущем господствующем классе. В этих теоретических построениях интеллигенции отводилась особая роль. Еще в 1930-е гг. американский социолог Д. Бернхейм сделал вывод, что на поздних стадиях развития капитализма, наряду с буржуазией и пролетариатом, должен возникнуть новый класс, подобно тому, как в недрах позднего феодализма сформировалась буржуазия. И точно так же, как буржуазия стала господствующим классом новой капиталистической формации, этот гипотетический класс должен занять лидирующие позиции в той стадии, которая сменит капитализм (или индустриализм). В роли зародыша нового класса сам Д. Бернхейм рассматривал «управляющих» (руководителей производства, администраторов, чиновников), М. Джилас — государственную правящую бюрократию СССР и других государств марксистского социализма. Схожие с М. Джиласом идеи высказывал М. Восленский [Восленский, 2005]. Иначе говоря, в качестве будущего доминирующего класса стали рассматриваться те группы, которые с точки зрения социально-профессионального подхода являются отрядами интеллигенции.

¹ Михаил Горбачев: Понять перестройку, отстоять новое мышление. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/statya_ms_2_avgusta_2021.pd (дата обращения: 25.12.2024).

Несмотря на идейную чужеродность, эти веяние мировой социальной мысли нашло свое отражение в советском обществоведении, хотя и в очень своеобразном виде. Данный вопрос достаточно подробно исследовал основоположник ивановской интеллигентоведческой школы В. С. Меметов [Интеллигенция, 2016: 78—86]. Здесь имеет смысл повторить общие выводы. В конце 1960-х гг. в марксистской философии начались дискуссии о переосмыслении социально-классовой структуры советского общества и об изменении пролетарского характера КПСС. Предполагалось, что профессиональные управленцы должны составить отдельную социальную группу, а коммунистическая партия приобрела бы общенародный, интерклассовый характер. Таким образом, научно-техническая революция поставила вопрос о пересмотре роли и места интеллигенции.

Э. А. Араб-Оглы и его коллеги в 1969 г. выступили в коллективном сборнике, где декларировали возникновение в ходе НТР высокообразованной рабочей интеллигенции и, как следствие, формирование нового рабочего класса, а также новой категории управленцев. Э. А. Араб-Оглы выдвинул тезис, что в условиях НТР сфера высшего образования будет расширяться, пока не приобретет всеобщий характер [Араб-Оглы, 1969: 28]. Схожие идеи ученый повторял и в своих публикациях 1980-х гг. [Его же, 1986: 175].

Соавтор Э. А. Араб-Оглы по сборнику, социолог А. К. Останин поставил вопрос о трансформации советского общества под влиянием НТР. Он попытался обосновать появление новой рабочей интеллигенции и сращивание в рамках единой социальной группы технических специалистов и высококвалифицированных рабочих [Останин, 1969: 110—111]. Другие авторы сборника приводили примеры этого в условиях автоматизированного производства на передовых советских предприятиях, например на Нижне-Тагильском металлургическом комбинате. Социологов подвергали вполне справедливой критике за единичность приводимых примеров, но, вероятно, главная причина критики была иной: идея сращивания рабочего класса и интеллигенции и образования на их базе новой страты могла поставить вопрос о ликвидации политической гегемонии пролетариата, что считалось неприемлемым с идеологической точки зрения.

Подобные настроения были характерны не только для СССР, но и для других стран марксистского социализма. Представления об

интеллигенции как классе управляющих приобрели особое звучание у идеологов «Пражской весны». Рабочий класс провозглашался политически инертной силой, неспособной возвыситься до понимания насущных задач общества в целом, вырваться из круга сугубо производственных, узко материальных интересов. В качестве единственной демократической и сознательной силы современного прогресса приверженцы элитарных теорий выдвигали интеллигенцию. Рабочий класс и рабочее движение, по их мысли, добивались наибольших успехов в том случае, если во главе движения стоит революционная интеллигенция [К событиям..., 1968: 35—36].

Естественно, что после таких оценок этой концепции надолго был приклеен ярлык ревизионизма. Аналогично расценивались и все идеи об изменении роли интеллигенции в новых условиях. Именно по этой причине они не получили развития в советском обществоведении и фактически оказались под партийно-идеологическим запретом. Для партийно-идеологических руководителей интеллигенция опять превращается в объект подозрений и расценивается как «слабое звено» в социальной структуре советского общества.

Интеллигенции было отказано в праве на критическое восприятие действительности; пресекались все ее притязания на самостоятельную роль в политической структуре общества. В последующее десятилетие (1970-е гг.) специалисты по истории и деятельности интеллигенции в своих публикациях и диссертациях были вынуждены в обязательном порядке отмечать подчиненное положение интеллигенции по отношению к рабочему классу или колхозному крестьянству. В то же время в частных вопросах истории интеллигенции ученые приводили много примеров самостоятельного поведения данной группы. С. А. Федюкин, а затем А. В. Ушаков на дореволюционном материале доказывали, что политические пристрастия и ориентации интеллигентов зависят не столько от социо-профессиональной принадлежности, сколько от индивидуальных особенностей каждого человека, включая воспитание, социальный опыт и т. д. [Федюкин, 1972: 5; Ушаков, 1985: 33—34].

Только на рубеже 1980—1990-х гг. возникли политические, организационные и методологические предпосылки для переосмысления места и роли интеллигенции. Так, создатель ивановской интеллигентоведческой школы В. С. Меметов отмечал на самой первой конференции по проблемам интеллигенции: «Интеллигенция

сегодня — это вторая по численности после рабочего класса социальная группа советского общества. Она играет всё большую роль в политической, экономической, духовной жизни страны. Как известно, в 1967 году была подписана Международная конвенция об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности. Мне близка точка зрения авторов, которые отмечают, что на нынешнем этапе развития общества интеллигенция обладает явно выраженными признаками класса. Перестроечные процессы вызвали небывалый подъем в жизни советского общества и, прежде всего, в среде интеллигенции. Можно с полным основанием утверждать, что именно она приблизила перестройку» [Меметов, 1991: 3]. Спустя два с половиной десятилетия В. С. Меметов резюмировал итог своих исследований: «Следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Партийно-комсомольское руководство и советская интеллигенция были связаны множеством отношений (так и хочется сказать “генетических”), большинство из которых носили неформальный и неофициальный характер. Они учились в одних и тех же вузах, вместе служили в армии и работали на освобожденной партийно-комсомольской работе» [Интеллигенция, 2016: 96]. Но, как свидетельствует высказывание М. С. Горбачева и его трактовки в прессе, в общественном сознании до сих пор существует мифологизированная картина политического участия интеллигенции в перестройке.

Методология и методы исследования

Методология предусматривает использование принципов историзма, научной объективности, причинной обусловленности процессов, явлений и событий. При изучении источников и литературы применялись специальные методы исторического исследования: историко-системный, историко-биографический, историко-социологический и историко-сравнительный.

Основная часть

Социальный облик позднесоветской интеллигенции

Вопрос о том, что представляла собой позднесоветская интеллигенция, достоин нескольких объемных монографий, поэтому здесь будут широкими мазками обозначены общие контуры решения этой проблемы. В СССР действовали несколько социологических

школ, изучавших структуру советского общества, основные слои и общественные классы, включая интеллигенцию. Так, в Ленинграде тщательно анализировали социально-психологический облик инженерно-технического корпуса. Столь пристальное внимание к этому профессиональному отряду объяснимо: именно инженерно-технический корпус играл значительную роль в развитии промышленности в целом, и оборонной индустрии в частности; в 1960—1980-е гг. происходит заметный численный рост этой группы, как в удельном значении, так и в абсолютных цифрах. Если в 1960 году доля инженеров среди всех занятых в промышленности составляла 8,9 %, то к 1985-му она выросла до 14,6 %. В целом численность ИТР выросла с 2 млн 18 тыс. чел. в 1960 году до 5 млн 548 тыс. в 1985 г. [Советская интеллигенция, 1987: 129].

В первой половине 1970-х гг. ленинградские социологи провели длительное комплексное исследование, охватившее более 1000 респондентов — инженеров девяти ленинградских проектно-конструкторских организаций. Всего изучению подверглись 524 инженера, 387 руководителей групп, 184 главных инженера. Результаты обследования были обнародованы в коллективной монографии «Социально-психологический портрет инженера», опубликованной под общей редакцией основателя ленинградской социологической школы профессора В. А. Ядова. С точки зрения практической социологии эти данные давно утратили актуальность, однако сами сведения могут служить своеобразным срезом, демонстрирующим все особенности изучаемой социальной группы в период «зрелого социализма». Видимо, это понимали и сами ленинградские социологи: «На уровне ценностных ориентаций мы фактически имеем дело не столько с инженерами, сколько с советскими гражданами середины 70-х годов, мужчинами и женщинами, представителями интеллигенции, живущими в Ленинграде — крупном индустриальном и культурном центре СССР» [Социально-психологический..., 1977: 117].

Обследование проводилось в учреждениях с типично советскими наименованиями: Гипроприбор, Гидропроект, Промэнергопроект, Ленпроект, Теплоэлектропроект, Гипромашобогатение, Теплопроект, Ленгипроинжпроект и Гипроторг. Как видно, это гражданские организации, скорее всего, не имевшие прямого отношения к оборонным разработкам, о чем косвенно свидетельствует и публикация итогов обследования в открытой печати. В сфере

оборонных разработок условия труда и его оплата могли заметно отличаться от гражданского сектора. Например, доктор технических наук А. Б. Прищепенко вспоминал, что в середине 1970-х гг., после окончания МИФИ, он поступил на работу в НИИ авиационной автоматики (отраслевой НИИ в системе атомной промышленности), где получал оклад в полтора раза больший, чем у инженеров в «мирных» институтах [Прищепенко, 2009: 72—73]. Причем это касалось не только инженерно-конструкторского состава, но и представителей управленческой интеллигенции. Известный политический журналист А. Е. Бовин рассказывал, что в конце 1950-х гг. ему предлагали работу инструктора райкома КПСС в закрытом уральском городе с зарплатой втрое большей (!), чем на «большой земле» [Бовин, 2003: 81—82].

А теперь о материально-бытовых условиях респондентов ленинградского опроса. Из них 62,2 % проживали в отдельных квартирах, что для Ленинграда 1970-х гг. было очень высоким показателем. В среднем в то время в «северной столице» своим жильем обладали только 47 % семей, остальные жили в коммуналках. Столь же высокой по советским меркам была обеспеченность бытовой техникой: 10,2 % имели автомашины, 36 % — мотоциклы или мотороллеры, 90 % — телевизоры и радиоприемники, 74,7 % фотоаппараты и кинокамеры, 88,9 % — холодильники, 67,4 % — пылесосы и полотеры. Средний доход в семьях советских ИТР оценивался авторами исследования в 90 руб. на человека [Социально-психологический..., 1977: 200—201]. В семье того времени примерно половина ее членов были неработающими (дети и пенсионеры), так что среднюю зарплату можно грубо оценить в 180 руб., что для середины 1970-х гг. вполне достойный уровень. Таким образом, советские инженеры эпохи «зрелого социализма» отнюдь не были нищей социальной группой, как это иногда пытаются представить в исторической публицистике.

Сопоставимый уровень зарплат был и в различных группах гуманитарной интеллигенции. В системе научно-популярных журналов ЦК ВЛКСМ в 1966 г. были установлены следующие должностные оклады: главный редактор — 280 руб.; заместитель главного редактора — 240 руб.; ответственный секретарь — 210 руб.; заведующие отделами — от 160 до 180 руб.; литературные сотрудники — от 130 до

160 руб.² Руководитель областного цензурного ведомства (т. н. облита) в то же время зарабатывал 200 руб. в месяц; старшие цензоры — 115 руб.; цензоры — 105 руб.³ У некоторых групп уровень оплаты был еще выше. Например, член-корреспондент Академии наук получал только за факт членства (т. е. «за погоны») 250 руб.; а действительный член АН СССР — 500 руб. Эти выплаты сохранялись и после прекращения (в силу возраста) активной исследовательской деятельности.

Конечно, следует учесть, что в советском обществе 1960—1980-х гг. деньги не играли решающей роли. Гораздо большее значение имел доступ к внеэкономическому распределению благ, т. е. привилегии. Например, ведущие советские фантасты с мировой известностью братья А. Н. и Б. Н. Стругацкие долгое время проживали в семьях родителей своих жен: Аркадий Натанович в Москве, а Борис Натанович в Ленинграде. Причем Аркадий отвергал предложения младшего брата приобрести жилье в жилищном кооперативе (ЖСК) под тем предлогом, что такие известные писатели должны получить квартиры от Союза писателей. И только когда жилищный вопрос окончательно обострился, Борис Натанович купил кооперативную квартиру в Ленинграде, а спустя несколько лет жилье в ЖСК приобрел и Аркадий Стругацкий в Москве. Мы можем легко составить представление о квартире А. Н. Стругацкого: точно в таком же экспериментальном доме на проспекте Вернадского снималась известная новогодняя комедия «Ирония судьбы или с легким паром» [Скаландис, 2008: 377—378]. Это было хорошая для 1970-х гг. квартира «улучшенной планировки», но все-таки не элитное жилье, на которое могли рассчитывать писатели их уровня. В то же время лица, занимавшие ответственные должности в Союзе писателей («литературные генералы»), могли пользоваться государственными машинами, дачами и жильем элитного уровня в «цековских домах». Аналогичная ситуация была и в других творческих союзах.

Вернемся к итогам социологического обследования ленинградских инженеров. Изучаемая выборка была представлена

² Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. М85. Оп. 1. Д. 2. Л. 5а.

³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9425 (Главлит). Оп. 2. Д. 395. Л. 18—19 (далее: ГА РФ).

разными возрастами, но преобладала группа респондентов, достигших к началу исследования 30—35 лет, — т. н. «дети войны». Это наложило свой отпечаток на их жизненные траектории: авторы обследования подчеркнули, что многие выросли в неполных семьях, у 30 % опрошенных отцы погибли на войне [Социально-психологический..., 1977: 201]. Следует заметить, что советские ИТР даже в середине 1970-х гг. были динамичной развивающейся группой. Только у 7,4 % респондентов родители тоже были инженерами, у 33,3 % — служащими с высшим образованием. Остальные рекрутировались из семей рабочих (14,3 %), колхозников (1,8 %), служащих без высшего образования (13,7 %) и др. При этом лишь 57,9 % обследуемых инженеров были урожденными ленинградцами, остальные — приезжими [Там же]. Эти цифры могут свидетельствовать о работающих социальных лифтах и высокой социальной мобильности позднесоветского общества.

У вузовской и научной интеллигенции имелся еще один существенный ресурс — относительно свободный график труда, что давало резерв свободного времени. Еще в 1956 г. в вузах были отменены обязательные нормы учебной нагрузки на спецкафедрах, они сохранялись только при преподавании общественных дисциплин в размере 550 учебных часов в год, а для заведующих кафедрами — 420 часов (золотая мечта современных преподавателей). Также преподаватели вузов освобождались от табельного учета рабочего времени [Лебин, 1971: 129]. Конечно, по трудовому законодательству преподаватели высшей школы должны были находиться на рабочих местах 6 часов в день, но это требование во многих вузах соблюдалось номинально. Возможно, наличие свободного времени стало одной из причин высокой политической активности вузовской интеллигенции в годы перестройки. Свободным графиком обладали члены творческих союзов, они могли распоряжаться временем по своему усмотрению.

Обзор социального облика советской интеллигенции позднего социализма можно продолжать и далее. Но здесь можно резюмировать, что и в 1970-е, и в 1980-е гг. интеллигенция оставалась вполне статусной обеспеченной группой, а интеллигентские профессии пользовались популярностью у молодежи. Например, в конце 1960-х гг. среди новосибирских школьников был проведен опрос, в котором они должны были оценить престиж тех или иных

профессий по 10-балльной шкале. В итоге горный инженер и ученый-химик набрали 7 баллов, инженер-связист и врач — 6 баллов, инженер-швейник, инженер-пищевик и экономист-плановик — 3,5—3,6 балла [Социально-психологический..., 1977: 17—18]. Похожий результат был и у ленинградских школьников, которые при опросе ранжировали профессии по списку из 40 специальностей. На 3-м месте оказался инженер-радиоспециалист, на 14-м — инженер-металлург [Там же: 18].

Таким образом, интеллигенция являлась социально динамичной группой с высоким уровнем мобильности, возможностью социального продвижения. Образование оставалось важным социальным лифтом вплоть до самых последних лет существования Советского Союза.

Антиинтеллигентская кампания позднего социализма

В конце 1960-х гг. в Восточной Европе началась новая волна интеллигентофобии. Тщательный анализ данного явления дал А. В. Зябликов в своей недавней статье [Зябликов, 2023]. Однако из поля зрения исследователя выпала интеллигентофобская кампания конца 1960—1970-х гг., охватившая т. н. страны социализма. Поводом к ней стала «Пражская весна» и последовавшие за ней события. Следует заметить, что советское руководство видело в чехословацких событиях интеллигентскую окраску. Например, один из спичрайтеров Л. И. Брежнева А. Е. Бовин приводит слова генсека, сравнивавшего чехословацкий и польский кризисы: «В Чехословакии бузила интеллигенция, а здесь протестует рабочий класс» [Бовин, 2003: 217]. Одной этой оценки достаточно для развертывания кампании против интеллигенции. В СССР она проявилась в публикации антиинтеллигентского романа В. А. Кочетова «Чего же ты хочешь?». Были и другие проявления. Например, в конце 1960-х гг. социолог А. Горбовский подготовил к изданию книгу «Будущее интеллигенции», которую планировали к публикации одновременно в СССР (в Агентстве печати «Новости») и на Западе. Но Главлит остановил эту публикацию. Среди причин запрета была попытка автора увязать интеллигенцию с понятием «элитарная группа» и упоминание о борьбе советской интеллигенции с косностью официальной

бюрократии⁴. А «специалист по борьбе с идеологическими диверсиями» П. К. Болотнов в сравнительно небольшой по объему книжке дважды отметил: «Буржуазная пропаганда особое внимание уделяет воздействию на интеллигенцию и молодежь» [Болотнов, 1968: 27, 40]. И далее автор резюмировал: «К сожалению, и среди людей с высшим образованием встречаются политически незрелые люди. ... эти люди ... умудряются в злопыхательской буржуазной пропаганде находить какую-то объективность и распространять среди окружающих нелепые слухи» [Там же: 60].

Но в целом в Советском Союзе критика интеллигенции носила достаточно умеренный характер. С большей силой данная кампания развернулась в восточноевропейских государствах. В качестве примера можно привести чехословацкий детективный сериал «30 случаев майора Земана». Ряд его эпизодов посвящен событиям «Пражской весны» и следующим за ними годам. Так, в 24-й серии под красноречивым названием «Клоуны» Земан расследует преступление в среде пражской «творческой интеллигенции»; в 25-м эпизоде («Травля») сам становится жертвой журналистского расследования о репрессиях периода Готвальда и терпит притеснения по службе; 26-я серия («Колодец») завершается крахом «Пражской весны» и служебной реабилитацией Земана. В этих эпизодах бескомпромиссному майору противостоят именно чешские интеллигенты: тележурналисты, начинающие литераторы, эстрадные исполнители, — показанные в нарочито гротескном, утрированном виде. Они истеричны, лживы, мстительны, погрязли в распутстве, пьянстве и в сплетнях. Более того, 29-й эпизод сериала («Мимикрия») посвящен членам андеграундной рок-группы, устраивающей подпольные концерты с так называемыми «зонгами протеста». Музыканты на проверку оказываются наркоманами и угоняют за границу самолет, попутно убив летчика. И, наконец, финальная серия («Розы для Земана») рассказывает о тлетворном западном влиянии и сводит зрителей с некоторыми прежними персонажами-интеллигентами, которые, утратив былой лоск, теперь просто торгуют наркотиками и с которыми продолжает бескомпромиссную борьбу чехословацкая госбезопасность. Примечательно, что сериал «30 случаев майора Земана» в 1980-е гг. демонстрировался и на советском телевидении. Но, если следовать

⁴ ГА РФ. Ф. 9425 (Главлит). Оп. 1. Д. 1372. Л. 7.

телепрограмме, указанные «антиинтеллигентские» эпизоды в советский показ не попали (кроме финальной 30-й серии), что может свидетельствовать о крайне осторожном отношении власти к такому вопросу, как отношения с интеллигенцией⁵.

Фактический провал последней антиинтеллигентской кампании в СССР связан во многом с нежеланием представителей интеллигенции выполнять данный заказ. Например, в конце 1970-х гг. известный режиссер Г. А. Панфилов получил задание создать фильм об интеллигентах-отщепенцах, бросающих Родину и выезжающих в эмиграцию. Сразу же выторговав невмешательство киновластей, Г. А. Панфилов выполнил задачу формально, по-своему расставив акценты⁶. В сделанном им фильме «Тема» действительно есть персонаж в исполнении Станислава Любшина, намеревающийся покинуть СССР. Но центральной фигурой стал вполне лояльный власти преуспевающий писатель Ким Есенин в исполнении Михаила Ульянова, бывший фронтовик, который на деле оказался конъюнктурщиком, бабником, пьяницей. Конечно, такая трактовка власть не устроила, и фильм положили на полку. Некоторое противопоставление интеллигенции и рабочего класса есть в фильме «живого классика» советского кинематографа С. А. Герасимова «Дочки-матери». По его сюжету девушка-сирота из рабочей среды разыскивала свою мать и попала в ходе поиска в московскую интеллигентскую семью. Такое «столкновение цивилизаций» привело к различного рода коллизиям, но С. А. Герасимов не случайно считался мэтром и сделал это противостояние настолько деликатным, что в фильме нет отрицательных и положительных героев, каждый персонаж по-своему объемлен и неоднозначен.

Таким образом, значимость различных профессиональных отрядов интеллигенции для стабильности режима вынуждала власть искать с ней общий язык, избегать открытых конфликтов, хотя и не пренебрегать идейным контролем в разнообразных формах.

⁵ Телепрограмма с 01.01.1979 по 31.12.1990. URL: <https://20vek.net/> (дата обращения: 25.12.2024).

⁶ Однако существует мнение, что на самом деле никакого заказа против диссидентов-эмигрантов при заявке на фильм «Тема» не было: Фильм Глеба Панфилова «Тема»: [https://dzen.ru/a/Z77NikwqlhFFpjEo?](https://dzen.ru/a/Z77NikwqlhFFpjEo?ysclid=m7nmn750b4317434877) (дата обращения 25.12.2024).

Советская интеллигенция во власти

Опять обратимся к работе ленинградских социологов. Авторы исследования разделили респондентов на 6 категорий по *деловым и профессиональным качествам*: «инженеры поневоле», «исполнительные», «добросовестные», «непритязательные», «самопрограммируемые» и «самоуверенные» [Социально-психологический..., 1977: 119—126]. Среди них высшие позиции заняли «самопрограммируемые» и «самоуверенные». Именно в этих группах ярче были выражены ориентация на профессиональный успех, инициатива, энергичность. Представители этих групп быстро добивались служебного продвижения. Каждый десятый из инженеров с 10-летним стажем выдвигался на должность руководителя группы. Среди инженеров с 15-летним стажем доля руководителей групп увеличивается вдвое, а при достижении 20-летнего показателя уже половина занимает должности старших инженеров или руководителей групп [Там же: 79]. Следует заметить, что продвижение по карьерной лестнице требовало от инженеров не только профессиональных, но и значительных организационно-управленческих компетенций. Авторы исследования особо отмечали: «Главный инженер проекта решает не только технические, но и организационные вопросы... Главный инженер проекта обязан обеспечивать применение новейших достижений науки и техники, эффективных конструкций, материалов и изделий, снижение стоимости строительства. Он также руководит работой подчиненных групп, несет основную ответственность за выполнение плана работы, участвует в составлении заданий на проектирование, контролирует полноту и качество их выполнения, составляет технические условия и согласовывает их с заказчиком, защищает выполненные проекты» [Там же: 38—39].

Однако ориентация на успех в профессиональной сфере не обязательно сочеталась со стремлением к высокой социально-политической активности. Авторы обследования отмечали низкую общественно-политическую активность своих респондентов: они тратили на общественную работу и политическое самообразование от 30 (женщины) до 35 (мужчины) минут в неделю, что, прямо скажем, немного [Там же: 189]. Также этому препятствовали как специфика элитного отбора в советском обществе, так и культивируемые в

процессе этого отбора качества. Конечно, авторы цитируемого обследования не могли назвать своими словами «сервизизм» или «конформизм». Но не упомянуть об этих явлениях тоже не могли — правда, представили их как явления единичные. «Отсутствие привычки высказывать собственное мнение обернулось гражданской безответственностью, — пишут авторы исследования и продолжают. — Истоки подобной “диспозиции” следует искать в обстоятельствах семейного и школьного воспитания инженера, в том, какие нравственные качества сформировались ... в студенческие годы. Конечно, случившееся является также следствием организации труда и психологического климата ...» [Там же: 140].

Тем не менее инфильтрация интеллигенции в партийно-государственные органы в СССР 1970—1980-х гг. шла довольно активно. По официальным советским данным, к 1985 году среди секретарей райкомов, горкомов и окружкомов КПСС выходцы из промышленности и сельского хозяйства составили 68 %, а среди секретарей обкомов, крайкомов — 83 %. Причем почти все они (99,9 %) имели высшее образование [Советская интеллигенция, 1987: 207]. Аналогичная ситуация была в т. н. советских органах. К середине 1980-х гг. доля лиц с высшим образованием в местных советах составляла 30,7 %, в Верховных Советах союзных и автономных республик — 49,4 %, в Верховном Совете СССР — 54,2 % [Там же: 94]. Конечно, данная «цифр» достаточно лукава. Те же Советы формировались квотированным способом, когда представительство различных социальных групп определялось директивно. Работники партаппарата зачастую были профессиональными чиновниками, из карьерных соображений получавшими либо заочное профессиональное образование, либо управленческое образование в системе совпартучебы.

Не следует забывать, что в позднем СССР всегда существовал слой интеллигенции, близкий к власти и занимавшийся ее интеллектуальным обслуживанием. На высшем уровне — это аппарат консультантов ЦК КПСС, о деятельности которого мы узнали из воспоминаний Ф. М. Бурлацкого, А. Е. Бовина и дневников А. С. Черняева. На следующем уровне был обширный штат отраслевых и страноведческих НИИ, включая Институт марксизма-ленинизма (ИМЛ), Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), Институт востоковедения АН СССР (ИВ АН), Институт стран Латинской Америки, Институт США и Канады — и мн. др.

К категории интеллектуальной obsługi режима относился немногочисленный, но очень важный институт политических обозревателей центральных газет. Хотя их было немного (по утверждению А. Е. Бовина, в начале 1970-х гг. в центральных газетах — всего 7 политических обозревателей), они занимали высокое положение. Зарплата в 500 руб. не считая гонораров, доступ к правительственной связи в виде кремлевской АТС (т. н. «вертушки»), пользование служебной автомашиной, лечение в кремлевской поликлинике и питание в соответствующей столовой [Бовин, 2003: 265]. На низовом, региональном, уровне это были лекторские группы крайкомов и обкомов, сотрудники местных партийных и комсомольских изданий. Иначе говоря, значительная группа советской интеллигенции уже была во власти или около нее. И если она не прямо влияла на принятие политических и административных решений, то заметно детерминировала данный процесс.

Именно интеллигенция стала наиболее радикальной в своих политических требованиях группой в попытках реформирования СССР во второй половине 1980-х гг. Данное обстоятельство однозначно свидетельствует о большом значении интеллигенции в социальной структуре позднесоветского общества. Различные группы научной и творческой интеллигенции стали ведущей движущей силой горбачевской перестройки. Можно вспомнить обстоятельства 5-го съезда кинематографистов в мае 1986 г., когда в полной мере проявился протестный потенциал, накопленный деятелями киноискусства. После объявления на XIX партийной конференции альтернативных выборов в советские органы именно представители интеллигенции в Москве и других крупных городах стали формировать инициативные группы по выдвижению и поддержке альтернативных кандидатов. С этого и началось формирование многопартийной системы. И, как и в начале XX века, возникавшие новые партии также носили интеллигентский характер и конструировались под идеологические модели различных групп интеллигентов. В силу этого интеллигенция составила значительную группу в депутатском корпусе Съездов Народных депутатов союзного и российского уровней.

Сохранилась тенденция активного участия интеллигенции в Государственных Думах 1990-х гг. Во II Думе 1990-х гг. количество депутатов с высшим образованием составило 94,7 % от всего депутатского корпуса. Причем из них 22,3 % имели ученую степень

кандидата, а 11,9 % — доктора наук, 9,6 % — ученое звание профессора, 8,5 % — академика, 2,2 % — члена-корреспондента, 7,7 % — доцента или старшего научного сотрудника. Самой «высокообразованной» была фракция «Яблоко» (100 % с высшим образованием), а «наименее образованной» — фракция ЛДПР (88,2 %). В остальных фракциях депутаты с высшим образованием уверенно составляли свыше 90 % [Васильев, 1998: 75]. Конечно, при анализе этих данных следует учитывать большее распространение высшего образования, которое стало обязательным для многих видов профессиональной деятельности. Но сведения по родам занятий депутатов также не оставляют сомнения, что интеллигенция (в социологическом понимании термина) составляла в парламентах 1990-х значительную часть.

Заключение

Как мы видим, утверждение М. С. Горбачева о том, что интеллигенция не смогла заменить партаппарат, и комментарии его критиков об отсутствии у интеллигенции необходимого управленческого потенциала не совсем соответствуют действительности. Советская интеллигенция была чрезвычайно активна политически, но степень ее активности зависела от внешних условий, прежде всего, от пределов допустимого властями. При этом следует учитывать, что интеллигенция во многом поставляла управленческие кадры. Другой вопрос, что, попадая в структуры власти, специалист с высшим образованием должен был играть уже по внутриаппаратным стандартам, фактически превращаясь в чиновника.

Сама по себе постановка вопроса, что интеллигенция не смогла заменить бюрократию, носит спекулятивный характер. Она и не могла этого сделать по функциональным качествам. Другой вопрос — что она не стала социальной опорой реформаторского крыла КПСС. Но здесь, видимо, проблема не интеллигенции, а самого М. С. Горбачева и его соратников. Интеллигенция активно приняла перемены, но половинчатость и непоследовательность реформаторов заставила ее поддерживать другие силы, в первую очередь власти национальных республик, набравших силу. В России таким стало демократическое движение, персонифицированное в лице, прежде всего, Б. Н. Ельцина.

Список источников

- Араб-Оглы Э. А.* О социальных последствиях научно-технической революции // Научно-техническая революция и общественный прогресс. М.: Мысль, 1969. С. 3—35.
- Араб-Оглы Э. А.* Обозримое будущее: социальные последствия НТР. Год 2000. М.: Мысль, 1986. 204 с.
- Бовин А. Е.* XX век как жизнь: воспоминания. М.: Захаров, 2003. 773 с.
- Болотнов П. К.* О подрывной деятельности иностранных разведок и повышении революционной бдительности. М.: [б. и.], 1968. 117 с.
- Васильев И. А., Дудина О. М., Мельникова А. Т.* Групповой портрет Госдумы — 96 // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 73—81.
- Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Захаров, 2005. 640 с.
- Зябликов А. В.* Рецидивы интеллигентофобии в общественном сознании современной России // Интеллигенция и мир. 2023. № 2. С. 9—30.
- Интеллигенция и интеллектуалы — такие разные ... и похожие. Проблемы самоопределения и деятельности в XX — начале XXI века: кол. монограф. / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 200 с.
- К событиям в Чехословакии. Факты, документы, свидетельства прессы и очевидцев. М.: Пресс-группа советских журналистов, 1968. 160 с.
- Левин Б. Д., Цыпкин Г. А.* Права работника науки. Л.: Наука, 1971. 226 с.
- Меметов В. С.* Интеллигенция и политика (Вступительное слово на открытии конференции «Интеллигенция и политика». 18—19 апреля 1991 г.) // Интеллигенция и политика: тез. докл. межрегион. науч.-теорет. конф., Иваново, 18—19 апреля 1991 г. Иваново: Иван. гос. ун-т. 1991. С. 3—6.
- Останин А. К.* Влияние научно-технической революции на изменения социально-классовой структуры советского общества // Научно-техническая революция и общественный прогресс. М.: Мысль, 1969. С. 77—114.
- Прищепенко А. Б.* Шелест гранаты. М.: Моргкнига, 2009. 256 с.
- Скаландис Ант.* Братья Стругацкие. М.: АСТ, АСТ Москва, 2008. 704 с.
- Советская интеллигенция: словарь-справочник / сост. В. С. Волков. М.: Политиздат, 1987. 224 с.
- Социально-психологический портрет инженера / под ред. В. А. Ядова. М.: Мысль, 1977. 231 с.
- Ушаков А. В.* Интеллигенция России в период буржуазно-демократических революций // Интеллигенция и революция. XX век. М.: Наука, 1985. С. 5—62.
- Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция. М.: Наука, 1972. 472 с.

References

- Arab-Ogly, E. A. (1969), 'On the social consequences of the scientific and technological revolution', in *Nauchno-tehnicheskaiia revoliutsiia i obshchestvennyi progress*, Mysl', Moscow, Russia: 3—35.
- Arab-Ogly, E. A. (1986), *Obozrimoe budushchee: sotsial'nye posledstviia NTR. God 2000* [The foreseeable future: social consequences of scientific and technological revolution. Year 2000], Mysl', Moscow, Russia.
- Bolotnov, P. K. (1968), *O podryvnoi deiatel'nosti inostrannykh razvedok i povyshenii revoliutsionnoi bditel'nosti* [On the subversive activities of foreign intelligence services and increasing revolutionary vigilance], [bez izdatel'stva], Moscow, Russia.
- Bovin, A. E. (2003), *XX vek kak zhizn': vospominaniia* [The XX century is like life: memories], Zakharov, Moscow, Russia.
- Fedyukin, S. A. (1972), *Velikii Oktiabr' i intelligentsiia* [The Great October Revolution and the intelligentsia], Nauka, Moscow, Russia.
- K sobytiiam v Chekhoslovakii. Fakty, dokumenty, svidetel'stva pressy i ochevidtsev* [To the events in Czechoslovakia. Facts, documents, press and eyewitness accounts] [1968], Press-gruppa sovetskikh zhurnalistov, Moscow, Russia.
- Levin, B. D. and Tsympkin, G. A. (1971), *Prava rabotnika nauki* [Rights of a researcher], Nauka, Leningrad, Russia.
- Memetov, V. S. (1991), 'Intellectuals and Politics (Opening remarks at the opening of the conference "Intellectuals and Politics." April 18—19, 1991)', in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentsiia i politika: tezisy dokladov mezhhregional'noi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia and politics: abstracts of reports of the interregional scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 18—19 April 1991, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 3—6.
- Memetov, V. S. and Chernoperov, V. L. (eds) (2016), *Intelligentsiia i intelektualy — takie raznye ... i pokhozhie. Problemy samoopredeleniia i deiatel'nosti v XX — nachale XXI veka: kollektivnaia monografiia* [The intelligentsia and intellectuals are so different... and similar. Problems of self-determination and activity in the XX — early XXI centuries: collective monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Ostanin, A. K. (1969), 'The influence of the scientific and technological revolution on changes in the social and class structure of Soviet society', in *Nauchno-tehnicheskaiia revoliutsiia i obshchestvennyi progress* [Scientific and technological revolution and social progress], Mysl', Moscow, Russia: 77—114.
- Prishchepenko, A. B. (2009), *Shelest granaty* [The rustle of a grenade], Morkniga, Moscow, Russia.
- Skalandis Ant (2008), *Brat'ia Strugatskie* [Strugatsky brothers], AST, AST Moskva, Moscow, Russia.

- Ushakov, A. V. (1985), 'The intelligentsia of Russia during the period of bourgeois-democratic revolutions', *Intelligentsiia i revoliutsiia. XX vek*. [Intelligentsia and revolution. XX century], Nauka, Moscow, Russia: 5—62.
- Vasiliev, I. A., Dudina, O. M. and Melnikova, A. T. (comps) (1998), 'Group portrait of the State Duma — 96', *Sotsiologicheskie issledvaniia* [Sociological Studies], no. 1: 73—81.
- Volkov, V. S. (comp.) (1987), *Sovetskaia intelligentsiia: slovar'-spravochnik* [The Soviet Intelligentsia: a dictionary reference], Politizdat, Moscow, Russia.
- Voslensky, M. (2005), *Nomenklatura. Gospodstvuiushchii klass Sovetskogo Soiuza* [Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union], Zakharov, Moscow, Russia.
- Zyablikov, A. V. (2023), 'Relapses of intellectual phobia in the public consciousness of modern Russia', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the world], no. 2: 9—30.
- Yadov, V. A. (ed.) (1977), *Sotsial'no-psikhologicheskii portret inzhenera* [Social and psychological portrait of an engineer], Mysl', Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025; одобрена после рецензирования 28.01.2025; принята к публикации 30.01.2025.

The article was submitted 09.01.2025; approved after reviewing 28.01.2025; accepted for publication 30.01.2025.

Информация об авторе / Information about the author

В. В. Комиссаров — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры агрономии и землеустройства, Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет, Иваново, Россия.

V. V. Komissarov — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Department of Agronomy and Land Management, Upper Volga State Agrobiotechnological University, Ivanovo, Russia.